

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Тата Шу

18+

НОВАЯ ВЕСНА

Тата Шу
Новая весна

«Автор»

2026

Шу Т.

Новая весна / Т. Шу — «Автор», 2026

Жизнь Таси никогда не была простой, но к сорока четверем годам ей наконец показалось, что все трудности остались позади. Надежный муж, выращенная дочь, любимый внук и уютный дом — привычный мир, который рушится в одно мгновение. После операции женщина возвращается из больницы не только с физическим шрамом, но и с душевной раной, о существовании которой даже не подозревала. Казалось бы, заботливый муж делает всё, чтобы она поскорее поправилась: готовит сам, дарит цветы и украдкой смотрит виноватыми глазами. Но Тася чувствует — между ними выросла невидимая стена. Справиться с болью и недоверием ей предстоит в канун Нового года, когда дом наполняется гостями, а она оказывается запертой в клетке собственных страхов и чужих секретов. Это роман о любви, которая проходит проверку на прочность самым жестоким образом. О женском одиночестве в браке, о готовности прощать и о том, можно ли склеить то, что разбито вдребезги. И, главное, — о новой весне, которая приходит даже после самой долгой зимы.

© Шу Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	9
Глава 4.	11
Глава 5.	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Новая весна

Глава 1.

Тася никогда не думала, что её жизнь сделает когда-нибудь крутой поворот и проверит её на прочность. В свои сорок четыре она была уверена, что самое трудное — бессонные ночи с маленькой Соней, переживания за Мишу после аварии, годы безденежья в девяностые — всё это осталось далеко за горизонтом. Жизнь, казалось, вышла на ровный, освещенный солнцем путь.

Со своим мужем, Михаилом Скворцовым, она познакомилась, когда ей было девятнадцать. Худенькая, серьёзная выпускница техникума, она пришла контролёром ОТК на маленький заводик. А он, шумный и весёлый слесарь Мишка, тут же положил на неё глаз. «Тася», — позвал он в первый же день, протягивая деталь, и в этом простом слове ей послышалось что-то родное, обещающее надежность.

И вот совсем недавно они отпраздновали двадцать пять лет свадьбы. Двадцать пять! Целая жизнь. И теперь её Миша был директором этого самого завода. Из Мишки-слесаря превратился в солидного Михаила Викторовича, но для неё дома он оставался всё тем же Мишей. Всё у них было хорошо. Даже очень. Трёхкомнатная квартира с новой итальянской кухней, о которой она раньше и мечтать не могла, удобная машина, загородный уютный домик, который они с её отцом когда-то строили своими руками — и до сих пор там пахнет деревом. Дочка Соня была счастлива замужем. Она подарила им внука. Забавного толстощёкого Алёшку. Когда Тася брала его на руки, чувствуя тёплую тяжесть и пахнущую молоком макушку, мир вокруг переставал существовать.

Только... Только вот сама Тася не находила себе места.

Беда подкралась незаметно, как воровка. В последнее время её просто заливало. Организм словно взбесился, и никакие таблетки, никакие отвары, которые советовала свекровь, не помогали. Поход к врачу, анализы, УЗИ — и вот она сидит в прохладном кабинете, сжимая в руках мокрый платок, а пожилая гинеколог с усталым лицом говорит про множественную миому матки и про то, что с этим медлить нельзя.

Тася вспоминала свои прожитые годы с мужем. Были годы безденежья. Из-за этого они побоялись родить ещё детей. Но их интимная жизнь всегда была страстной. Да, конечно, с годами остались позади те сумасшедшие ночи, когда они, молодые и жадные до друг друга, занимались любовью не один раз в день, боясь потревожить спящую в кроватке Соню. Теперь всё было более размеренно, но не менее глубоко. Взаимная любовь стала тише, но прочнее. Он знал, где её коснуться, она знала, как его порадовать.

Но с возрастом появляются проблемы со здоровьем. Причём с женским. За свою жизнь они предохранялись по-разному. В том числе она ставила спиральки. И вот поставила последнюю, пора было менять, а она не прижилась. Организм взбунтовался. Хорошо хоть не забеременела в таком возрасте, глупость какая была бы. А потом и миому нашли.

Миша был внимательным, заботливым, терпеливым. До скрежета зубного. Она же понимала: мужику надо. А она в последнее время всё чаще от него отворачивалась, закрывалась, утыкалась в подушку и делала вид, что спит. Чувствовала себя разбитой, больной, старой.

А он только и делал, что твердил:

- Тась, всё наладится. Мы всё переживём. Не ты первая, не ты последняя. Ты вспомни, как ты за мной после той аварии ухаживала? Месяц на судах, а я, как мешок с костями, лежал. Ты же выходила меня. Чего ты тянешь? У тебя гемоглобин совсем упал. На тебе лица нет. Ложись на операцию.

А Тася только отворачивалась к окну и отвечала глухо:

- Миш, ну какая из меня после этого будет женщина? Корыто бездонное, вот кто.

Он подходил сзади, обнимал своими большими, всё ещё сильными руками, прижимал к себе. Гладил по волосам, которые она давно перестала красить, потому что сил не было, и шептал в макушку, как маленькой девочке:

- Ты дурочка у меня. Самая любимая дурочка. Ты всегда будешь для меня желанной и любимой. Слышишь? Всегда.

И от этих слов на душе становилось ещё горше. Потому что она ему верила. Миша никогда не обманывал. Но как он сможет желать её, когда от неё останется половина? Как она сама сможет желать себя?

В то утро она проснулась раньше обычного. Миша ещё спал, разметавшись на подушке, и в свете начинающегося рассвета его лицо казалось молодым, почти таким же, как тогда, в молодости. Тася тихонько встала, накинула халат и вышла на кухню. Села за стол, обхватив ладонями горячую кружку с чаем, и посмотрела в окно.

За окном просыпался их город. Солнце золотило верхушки тополей, по карнизу прыгала синица. Жизнь шла своим чередом — здоровая, сильная, равнодушная к её боли.

И вдруг она поняла, что больше не может так жить. Висеть между страхом и надеждой. Она посмотрела на календарь, висящий на холодильнике. На пятнадцатое число, обведенное красным фломастером, был записан номер клиники и фамилия профессора, которого Миша нашёл через знакомых.

Она зажмурилась, сделала глоток обжигающего чая и, не открывая глаз, потянулась к телефону, чтобы набрать этот номер. Сердце колотилось где-то в горле. Этот звонок станет либо началом конца, либо... началом новой жизни. Она ещё не знала, какой именно.

Глава 2.

Операцию назначили на декабрь. Плановые операции всегда делают в холодное время года, и эта медицинская мудрость звучала как приговор. Месяц до декабря Тася прожила как в тумане: бесконечные анализы, консультации, флюорографии, ЭКГ. Кипа бумаг в папке росла, и с каждым новым документом отступить было уже некуда.

Утром того самого дня, когда она должна была ехать в больницу, Тася стояла у окна в спальне и смотрела на серое, низкое небо. Ночью выпал первый снег — жидкий, тающий на глазах. Миша подошел сзади, обнял, как всегда, крепко.

- Ну, Скворцова, собирайся, боец, — сказал он с нарочитой бодростью в голосе.

Тася чувствовала, как под его руками, на её животе, скрывается предательская дрожь. Он тоже боялся. Его «нервозность», как он это называл, выдавали пальцы, чуть сильнее обычного сжимающие её плечи, и то, как он избегал смотреть ей в глаза.

- Соберусь, — тихо ответила она.

В больнице, куда они приехали, пахло чистящими средствами, лекарствами и тревогой. Пока Тася заполняла последние бумаги в ординаторской, Миша ждал в коридоре. Когда она вышла, он стоял у окна, заложив руки за спину, и смотрел на заснеженный больничный двор. Услышав шаги, обернулся, и на лице его снова появилась та самая подбадривающая, чуть виноватая улыбка.

- Ну что, проводить до палаты?

Он нёс её сумку, хотя медсестра говорила, что это не положено. Он поправил подушку на койке, проверил, работает ли телевизор, и налил воды в кружку. Рядом суетилась молоденькая медсестра, которая принимала Тасю.

Глядя на то, как Миша, высокий мужчина, заботливо укутывает свою жену пледом, который привёз из дома, она не выдержала:

- Таисия Владимировна, — восхищенно выдохнула девушка, когда Миша вышел в коридор поговорить по телефону. — Какой у вас замечательный муж! Красивый, заботливый. Сразу видно — переживает. Сейчас редко такое увидишь, многие вообще своих бросают...

Тася через силу улыбнулась. Зависть в глазах молоденькой девчонки была такой искренней, такой чистой.

Миша зашёл попрощаться. Он поцеловал её в лоб, задержав губы дольше обычного.

- Я завтра с утра приеду. Как только можно будет. Ты держись, родная моя. Я тебя люблю.

- Я знаю, — прошептала Тася, чувствуя, как к горлу подкатывает ком. — Езжай, Миш. Снегопад, дорога скользкая. Будь осторожнее.

После его ухода палата показалась огромной и холодной, несмотря на батареи.

Утром её увезли на каталке. Миша, как и обещал, приехал рано и сейчас шёл рядом, держа за руку, пока медсестра мягко не попросила его остаться у дверей операционного блока. Тася запомнила его лицо в последнюю секунду — бледное, с плотно сжатыми губами.

Она очнулась уже в своей одноместной палате. В палате, которая была совсем не такой, как обычные больничные: чисто, тихо, и пахло не так остро.

Первое, что она почувствовала — ледяную тяжесть внизу живота (пузырь со льдом, как потом узнала) и чужеродные предметы в теле. В левой руке торчал катетер, соединенный прозрачной трубкой с капельницей. Другой, ещё более униженный, был в мочевом пузыре. Она чувствовала себя наспигованной, несвободной, почти неживой. Голова была тяжелой и чугунной от наркоза. За окном было уже темно, и снегопад усилился, крупные хлопья липли к стеклу.

Скрипнула дверь. Вошел высокий мужчина в белом халате. Это был тот самый хирург, который её оперировал, мужчина лет пятидесяти, с усталыми, но внимательными глазами и сединой на висках. Он присел на край стула возле кровати.

- Ну, Таисия Владимировна, поздравляю. Всё прошло успешно, без эксцессов.

Тася смотрела на него, пытаясь сфокусировать взгляд, и ждала. Он говорил спокойно, ровно, профессионально, но в его словах она пыталась уловить хоть какую-то зацепку для надежды.

- Я понимаю, вам сейчас тяжело и, наверное, страшно. Но я хочу, чтобы вы знали. Мы удалили только матку. Оставили культю с шейкой и оба яичника. Это очень важно. Яичники продолжают работать, гормональный фон не нарушен.

Он выдержал паузу, давая ей осмыслить сказанное.

- Материал, естественно, отправили в лабораторию на гистологию. Но я, посмотрев своими глазами, думаю, что всё будет хорошо. Опухоль доброкачественная, миома. Просто запущенная.

Тася кивнула, сглатывая сухость во рту.

- Пройдет время, всё наладится. В том числе и интимная жизнь, — добавил доктор, и в его голосе не было ни капли смущения, только врачебная уверенность. — Не слушайте никого, кто говорит обратное. Шейка осталась, чувствительность сохранится. Просто нужно будет время на восстановление.

Он чуть улыбнулся и указал рукой в сторону её живота.

- И не переживайте по поводу шрама. Разрез мы сделали в естественной складочке под животом. Со временем он зарубцуется, замоеется и останется едва заметной тонкой ниточкой. Никто и не увидит.

- Спасибо, доктор, — еле слышно выдохнула Тася.

- Отдыхайте. Завтра зайду ещё. Если что — зовите медсестру. Потерпите немного, всё самое страшное позади.

Он вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Тася осталась одна. За окном кружился снег, в палате было тепло и тихо, только мерно пикал какой-то аппарат. Слова доктора эхом отдавались в голове: «яичники сохранили», «культя шейки», «шов в естественной складочке». Это должно было успокаивать. Это было хорошо. Это был максимум того, на что можно было рассчитывать.

Но на душе было муторно.

Она осторожно, стараясь не потревожить катетеры, опустила руку вниз и нащупала через одеяло ледяной пузырь. Там, под ним, где раньше был её живот, теперь была пустота. Или почти пустота. «Культя». Какое ужасное слово. Обрубок. Она вспомнила, как говорила Мише: «Корыто бездонное». А теперь корыта не будет. Осталась какая-то «культя».

Она представила, как заживёт тонкая ниточка шрама в складочке. Никто не увидит. Но она-то будет знать. Она будет знать, что внутри её больше нет того главного, что делало её женщиной, матерью, вместилищем новой жизни.

Слёзы потекли сами собой, бесшумно скатываясь по вискам на подушку. Она не могла даже утереть их — рука с катетером была неподвижна. Она лежала и смотрела, как за окном кружится снег, и чувствовала себя такой же одинокой и бесцельно кружащейся в этой пустоте снежинкой. Миша обещал, что она всегда будет для него желанной. Но как она поверит в это теперь, когда сама себя ощущает не целой, не полноценной, а обрезанной до «культи»?

Глава 3.

Михаил Викторович Скворцов, директор завода, для всех был человеком серьёзным, даже суровым. Но внутри, в том месте, куда нет доступа ни подчиненным, ни деловым партнёрам, он всю жизнь оставался просто Мишкой, который без памяти влюбился в девчонку Тасю двадцать шесть лет назад. С годами это чувство не выцвело, не превратилось в привычку. Оно стало глубже, спокойнее, но от этого только сильнее.

Видеть, как она мучается, было для него хуже пытки.

Он видел всё: как она отворачивается, когда он ложится в постель. Как её плечи вздрагивают, хотя она старается не всхлипывать. Как она смотрит на свое отражение в зеркале — не с грустью даже, а с гадливостью. Он приносил ей чай, гладил по голове, говорил ласковые слова, но чувствовал: его тепло не доходит. Оно разбивается о стену её боли, не в силах пробиться. И от этого бессилия внутри разрасталась чёрная дыра.

Ему самому было физически больно. Он хотел её. Желание никуда не делось, оно жило в нём, острое и неутолённое, как в двадцать лет. Но он не был эгоистом. Он не докучал ей, не лез с упреками или намёками. Когда становилось совсем неважно, он уходил в ванную, включал воду на полную мощность и стоял под ледяным душем, или просто ждал, пока схлынет. Это была его ноша, и он нёс её молча. Думал: потерпим. Вот она поправится, отойдет от наркоза, заживет шов, утихнет боль — и всё вернётся. Надо только потерпеть.

А тут наступил день рождения зама. Севки Сазонова, старого друга, можно сказать, правой руки на заводе. Пятьдесят. Тася настаивала «сходи». И Миша поехал, чтобы отвлечься. Чтобы хоть на вечер перестать чувствовать себя беспомощным наблюдателем чужой боли.

За столом мелькали лица, звенели бокалы, лилась водка. Он пил, стараясь залить тоску. Сазонов что-то вещал, жена его суетилась, кто-то травил анекдоты. А Миша сидел как в вакууме, пока не заметил, что рядом, на диване, примостилась Лерочка. Секретарша зама. Молоденькая, лет двадцати семи, с длинными ногтями, накрашенными губами и фигурой, от которой у любого мужика снесёт крышу. Манкая, как кошка. И смотрела она на него весь вечер особенным, липким взглядом.

Что произошло дальше, он помнил урывками, как в дурном сне. Кажется, все разошлись. Остались только он, Севка, жена Севки и Лерочка. Потом Севка с женой ушли на кухню. А они остались вдвоем в гостиной. Горел торшер и Лера села совсем близко, положив руку ему на колено.

Он не хотел её. Ему нужна была Тася. Но внутри клокотала такая дикая смесь отчаяния, боли, неутолённого желания и водки, что мозг отключился. Тело включилось само.

Она сама всё сделала. Услужливо, ловко, как будто не в первый раз, натянула на него презерватив. Они даже не целовались. Это было не про нежность, не про страсть, не про любовь. Это был просто акт. Грубый, животный, на столе, заваленном остатками закусок и пустыми бутылками.

А когда всё кончилось, его захлестнула такая волна омерзения к самому себе, что он едва не задохнулся.

Он смотрел на эту красивую девушку, которая поправляла платье и довольно улыбалась, и чувствовал себя последним подонком. Его любимая жена, его Тася, его единственная женщина на протяжении четверти века, лежала сейчас дома одна. Может быть, не спала. Может быть, опять плакала в подушку, думая, что она теперь «не женщина». А он... Он только что подтвердил её самые страшные опасения. Если уж он, который клялся ей в вечной любви, способен на такое, значит, она действительно ничего не стоит?

Он не находил себе оправдания. Да, он здоровый мужик. Да, желание никуда не делось. Да, он долго терпел. Но это не оправдание. Никогда, ни разу за двадцать пять лет он не смотрел на других баб. Совсем. Для него существовала только она. Его Тася. И вот сейчас, в момент её самого страшного горя, когда она нуждалась в нём как никогда, он предал. Не столько её даже, сколько себя. Свою любовь. Ту самую, которую носил в себе столько лет.

Лера что-то щебетала, предлагала кофе. Миша молча застегнул брюки и, не сказав ни слова, вышел. Он сел в такси, глядя на мокрый снег, залепляющий лобовое стекло. Домой ехать было страшно. Он не мог смотреть Тасе в глаза. Но и оставаться здесь было невозможно.

Он никогда не думал, что жизнь сделает такой крутой поворот и проверит на прочность не только Тасю, но и его. Только вот проверку эту он, кажется, провалил с треском. И тому, что он сделал, не было и не могло быть оправдания.

Он тихо вошёл в квартиру и сразу прошёл в ванну. Хотел смыть с себя это предательство. Потом пошёл на кухню и заварил себе крепкий чай. Войдя в спальню он тихо лёг. Он надеялся, что Тася уже спит.

Глава 4.

А потом наступил тот день. Её везли на каталке. Миша шёл рядом, держа за руку, пока медсестра мягко не попросила его остаться у дверей операционного блока. Тася смотрела на его лицо в последнюю секунду — бледное, с плотно сжатыми губами.

- Я здесь буду, — только и успел сказать он. — Я никуда не уйду.

Двери закрылись. И началось самое страшное — ожидание.

Миша сел на пластиковый стул в коридоре и уставился на эти двери. Серые, невзрачные, с табличкой «Операционная. Вход воспрещён». За ними сейчас решалась его судьба. Вся его жизнь. Его Тася.

Прошёл час. Он считал минуты, вставал, ходил по коридору, садился снова. Подходил к окну, смотрел на заснеженный двор, но ничего не видел. В кармане завибрировал телефон — Соня звонила, спрашивала, как мама. Он ответил коротко:

- Ещё оперируют. Позже перезвоню.

Сбросил. Не мог говорить.

Мимо сновали медсестры, врачи, санитарки с каталками. Никто не обращал на него внимания. А он сидел и мысленно уговаривал, умолял, требовал у кого-то там, наверху: «Только живая. Сделайте, чтоб живая. Я всё отдам. Всё, что угодно».

Когда двери наконец открылись и вышел уставший хирург в синей форме, Миша вскочил так резко, что стул едва не опрокинулся.

- Скворцова? — уточнил врач, глядя в бумаги. — Операция прошла успешно. Сейчас её переведут в палату, отходить от наркоза. Завтра сможете навестить.

- А сегодня? — вырвалось у Миши. — Можно сегодня? Я хоть посижу рядом, я тихо, я не помешаю...

Врач покачал головой:

- Сегодня нельзя. Ей нужен полный покой, реанимационный период. После такой операции — строгий режим. Приходите завтра.

Он ушёл. А Миша остался стоять посреди коридора, чувствуя себя бесконечно беспомощным. Его Тасю увезли куда-то, а он даже не мог быть рядом.

Он вышел на улицу, сел в машину и долго сидел, глядя на заснеженные окна больницы. Завёл двигатель, прогрел салон, но уезжать не хотелось. Он достал телефон, нашёл номер приемного отделения, позвонил.

- Скажите, пожалуйста, Скворцова Таисия Владимировна, после операции... как она? Можно узнать?

- Извините, информация о состоянии пациентов по телефону не предоставляется, — ответил сухой женский голос.

Он звонил ещё. В справочную, в хирургическое отделение, даже в реанимацию, куда его точно не должны были соединить. Результат был один — никакой информации.

Домой ехать не хотелось. В пустую квартиру, где всё пахнет Тасей, где её халат висит в ванной, а на тумбочке — её крем для рук. Он не выдержит там один. Надо как-то отвлечься. Миша заехал в супермаркет, долго бродил между рядами, тупо глядя на полки. Потом словно очнулся и начал выбирать. Курицу на бульон, овощи, фрукты, крупы. Наготовить. Он не знал, что именно можно после такой операции, но решил, что разберётся. Найдёт в интернете, спросит у врачей. Но просто сидеть и ждать он не мог.

Дома он включил музыку, чтобы заглушить тишину, и принялся колдовать на кухне. Варил бульон, снимая пену, паровые котлеты лепил, яблоки в духовку поставил. И всё время поглядывал на часы. Как она там? Очнулась уже? Не больно ли? Не страшно ли одной?

Ночью он почти не спал. Ворочался, прислушивался к тишине, ловил себя на том, что тянется рукой на её половину кровати. Пусто. Холодно.

Утром, едва рассвело, он уже был на ногах. Аккуратно разложил еду по контейнерам, завернул в полотенце, чтобы не остыло. Заехал в цветочный — искал те самые, белые хризантемы, которые она любила. Нашёл. И в ювелирный заскочил на прошлой неделе, браслетик присмотрел. Думал после выписки подарить, но сейчас понял: надо сегодня. Пусть знает, пусть чувствует.

В больницу его пустили ровно в десять. Он чуть не бегом поднялся на этаж, нашел её палату, толкнул дверь и... И вот она, его Тася. Бледная. И нет той бездны в её глазах, в которых тонул.

Весь день и всю ночь она то проваливалась в тревожную дремоту, то выныривала в реальность, полную боли и странного, пугающего ощущения пустоты внутри. Где Миша? Приходил ли? Она не знала. Вокруг были только медсестры, молчаливые и деловитые, да пиканье аппаратов.

А наутро, когда за окном уже светало и снегопад наконец прекратился, дверь тихо скрипнула.

- Тась... Ты не спишь, родная?

Она открыла глаза и не поверила. Над ней стоял Миша. Усталый, небритый, с красными от бессонницы глазами, но улыбающийся той самой улыбкой, которую она любила всю жизнь.

- Миш... — прошептала она пересохшими губами. — Ты как... пустили?

- Пустили, — он уже суетился, ставил на тумбочку огромную сумку, поправлял одеяло, гладил её по руке, но осторожно, боясь задеть катетер. — С утра позвонил, спросил, можно ли. Сказали, можно. Я как рванул... Ты как? Не больно? Не тошнит?

Она чуть качнула головой, не в силах оторвать от него взгляд.

- Я тут привёз кое-что, — засуетился Миша, принимаясь выгружать содержимое сумки. — Ты не смотри, что я сам готовил, я рецепты в интернете нашёл, специально для послеоперационных. Вон, бульончик куриный, лёгкий, в самый раз. Котлетки паровые. Пюрешка жиденькая. Компот из сухофруктов, без сахара. И яблочко запечённое...

У Таси защипало в глазах. Маленькие контейнеры, аккуратно закрытые крышечками, ложка, завернутая в чистое полотенце. Она знала, что Миша умеет готовить, но чтобы вот так, серьёзно, с рецептами из интернета...

- Ты чего молчишь? — встревожился он. — Не то сделал? Я же старался...

- Всё то, — еле выговорила она. — Всё то, Мишенька. Только... ты как? Ты сам-то ел? На себя посмотри — лица нет.

- А, я потом, — отмахнулся он. — Ты главное.

Тут он словно вспомнил что-то и метнулся к сумке.

- Это ещё не всё. Это вот тебе, — и извлек букет. Не те помпезные розы на длинных ножках, а скромные, нежные хризантемы, белые, как снег за окном, с зеленоватой сердцевинкой. Она такие любила. Всегда любила. Он помнил.

Тася потянулась здоровой рукой, понюхала, и слёзы снова покатались по щекам.

- Глупая, ты чего плачешь? — Миша растерянно заметался, полез в карман за платком. — Не надо, Тась, всё хорошо будет. Я же говорил. Я вчера тут всю ночь мысленно с тобой был. Звонил, спрашивал — не говорят, не положено. Я там с ума сходил, если честно. Домой приехал — а там пусто, ты не представляешь...

- Представляю, — прошептала она. — Я тоже здесь одна... думала о тебе.

Он наклонился, поцеловал её в лоб, задержался губами, вдыхая родной запах, смешанный с больничными лекарствами.

- Я от счастья, что ты... — сказал тихо. — Что всё позади. Я так боялся, Тась. Так боялся...

А потом, помявшись, достал из внутреннего кармана пиджака маленькую бархатную коробочку.

- Это... это тебе. Я давно хотел, ещё до операции. Думал, после выписки подарю. Но сейчас понял: надо сегодня. Чтобы ты знала. Что ты у меня всё та же. Самая любимая. Самая красивая. Самая родная.

Он открыл коробочку. На бархатной подушечке лежал тонкий золотой браслетик, изящный, с маленьким цветочком-подвеской. Простой, но такой красивый. Он специально выбирал неброский, не тяжелый — чтоб и в больнице можно было носить, и после, всегда.

- Миша... — только и смогла выдохнуть Тася. — Зачем? Столько денег...

- Замолчи, — он мягко закрыл ей рот ладонью. — Никаких денег не жалко. Ты у меня одна. Давай надену?

Она кивнула, не в силах говорить.

Он надел браслет ей на запястье. Золото приятно холодило кожу. Тася смотрела на свою руку — бледную, с синяком от капельницы, и на этом фоне тонкая цепочка казалась чудом. Лучиком света. Островком нормальной, прежней жизни.

В палату заглянула медсестра, та самая молоденькая, что дежурила с утра.

- Ой, извините, — засмузилась она, увидев цветы и открытую коробочку. — Я давление померить... Таисия Владимировна, вы не представляете, ваш муж нам тут весь телефон оборвал вчера. Каждый час звонил, спрашивал, как вы. А вечером говорят приезжал, сидел в машине под окнами, его с поста видели. Еле уговорили уехать, сказали, что всё хорошо. Такой заботливый...

Тася перевела взгляд на Мишу. Тот стоял красный как рак, прятал глаза, делал вид, что поправляет контейнеры на тумбочке.

- Сидел в машине? — переспросила она тихо. — На морозе?

- Да ладно, чего уж, — буркнул он. — Медсестра, вы давайте давление меряйте, а то я мешаю. Я подожду в коридоре.

Выскочил за дверь, словно спасаясь от благодарности. А Тася смотрела на браслетик, на цветы, на контейнеры с едой, которую он сам готовил, и чувствовала, как внутри, сквозь боль и муторную пустоту, начинает пробиваться что-то тёплое. Крошечный росточек надежды. Может быть, не всё ещё потеряно. Может быть, он прав. Может быть, она и правда для него всё та же.

Медсестра померила давление, записала показатели, улыбнулась и вышла. А Тася всё смотрела на дверь, за которой ждал он. Её Миша. Который ночевал в машине под окнами больницы, потому что не мог быть рядом. Который готовил ей котлетки по рецептам из интернета. Который выбрал эти хризантемы, потому что помнил, что она любит белые.

И браслетик на руке поблескивал в зимнем солнечном свете, обещая, что жизнь продолжается. Что любовь — она вот такая. Не в словах, не в обещаниях. А в контейнерах с бульоном, в ночных дежурствах под окнами, в дрожащих руках, надевающих золото на больничную руку.

Но Тася чувствовала. Что-то было не так. Женское сердце не обманешь. Она видела что её Миша мается. А спросить боялась.

Глава 5.

Миша приходил каждый день. Как по расписанию — ровно в десять утра, с сумкой, полной контейнеров. Он менял меню: сегодня куриный бульон, завтра — легкий суп-пюре из тыквы, послезавтра — рыбка на пару. Он таскал цветы. Каждый день новые. То белые хризантемы, то розовые, то нежные альстромерии, которые она когда-то давно в магазине рассматривала, а он запомнил. Палата Таси превращалась в оранжерею — цветы стояли на подоконнике, на тумбочке, даже на подзеркальнике в углу.

Медсестры шутили:

- Таисия Владимировна, у вас тут филиал цветочного магазина. Завидный ухажер!

Тася через силу улыбалась. Она видела, как он старается. Как смотрит на неё с той же любовью, как гладит по руке, как поправляет подушку. Но женское сердце не обманешь.

Что-то было не так. Она чувствовала это каждой клеточкой. В его глазах, когда он думал, что она не смотрит, появлялось что-то... виноватое? Тоскливое? Он словно хотел что-то сказать, но не решался. А когда она ловила его взгляд, он тут же отводил глаза и начинал суетиться: поправлять одеяло, наливать воду, переставлять контейнеры.

Тася боялась спросить. Боялась услышать то, что разобьёт ей сердце. Может, это из-за неё? Может, она ему уже не нужна такая? Может, жалеет просто? Эти мысли ядовитыми змеями выползали из тёмных углов сознания и жалили больно, нестерпимо.

К тому же она почти не ела. Аппетит не приходил. Организм словно включил защиту и отвергал любую еду. Тася давилась бульоном, ковыряла вилкой котлетки, отворачивалась к стене. Температура держалась — невысокая, но упрямая, тридцать семь и три, тридцать семь и пять. Вечерами поднималась, выматывая последние силы.

Миша заметил. Конечно, заметил. На четвертый день, увидев почти полные контейнеры, которые он вчера принёс, он помрачнел, поцеловал её в лоб и решительно вышел из палаты.

- Мне нужно поговорить с лечащим врачом, — сказал он медсестре.

Хирург, тот самый, что оперировал Тасю, принял его в ординаторской. Выслушал, посмотрел в карту, покачал головой.

- Температура после такой операции — не редкость. Организм борется, идёт воспалительный процесс, это нормально. Но то, что она не ест — плохо. Силы нужны, восстанавливаться надо. А без еды — никак.

- А что делать? — Миша готов был на всё. — Может, лекарства какие? Или уговоры? Я уговариваю, честно...

Врач чуть улыбнулся, посмотрел на этого большого, сильного мужика, который так отчаянно любит свою жену.

- Знаете, Михаил Викторович... Есть одно средство. Нестандартное, но иногда помогает. Купите бутылку хорошего красного вина. Сухого, качественного. И принесите ей. Полбокала за ужином, для аппетита. И под вашим присмотром, естественно. Иногда маленькая радость творит чудеса.

Миша кивнул, запомнил. В тот же день, вечером по дороге в больницу, заехал в хороший винный магазин, купил то, что посоветовал продавец — итальянское, выдержанное, дорогое. Вечером, когда Тася снова отвернулась от еды, он достал бутылку, поставил на тумбочку.

- Тась, смотри, что я принёс. Доктор сказал — можно. Для аппетита. Давай попробуем?

Она посмотрела на бутылку, на него, и в бездне её глаз блеснули слёзы.

- Ты с ума сошёл, Миш. В больницу — вино...

- А что? — он налил в пластиковый стаканчиком, протянул ей. — За твоё здоровье, Скворцова. Пей.

Она сделала глоток. Терпкое, тёплое, вкусное. И правда, аппетит шевельнулся где-то внутри. Она съела полкотлетки, выпила бульон. Миша светился от счастья.

А ещё медперсонал заставлял её двигаться. Уже на второй день после операции пришла строгая медсестра:

- Вставайте, Таисия Владимировна. Надо ходить. Чтобы спаек не было. Давайте, давайте, я помогу.

Это было больно, трудно — с катетером в руке, держась за стену. Но Тася вставала и ходила. Сначала до двери и обратно. Утку убрали. Велели ходить до туалета самой. Потом до поста медсестры. Потом по всему коридору. Миша, если был рядом, поддерживал под руку, шептал ласковые слова.

И посетители пошли.

Сначала Соня прибежала, заплаканная, с внуком Алёшкой на руках (показать бабушке, что она нужна, что надо жить ради него, ради них). Алёшка гулил, тянул пухлые ручки к браслету, и Тася на миг забывала о боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.